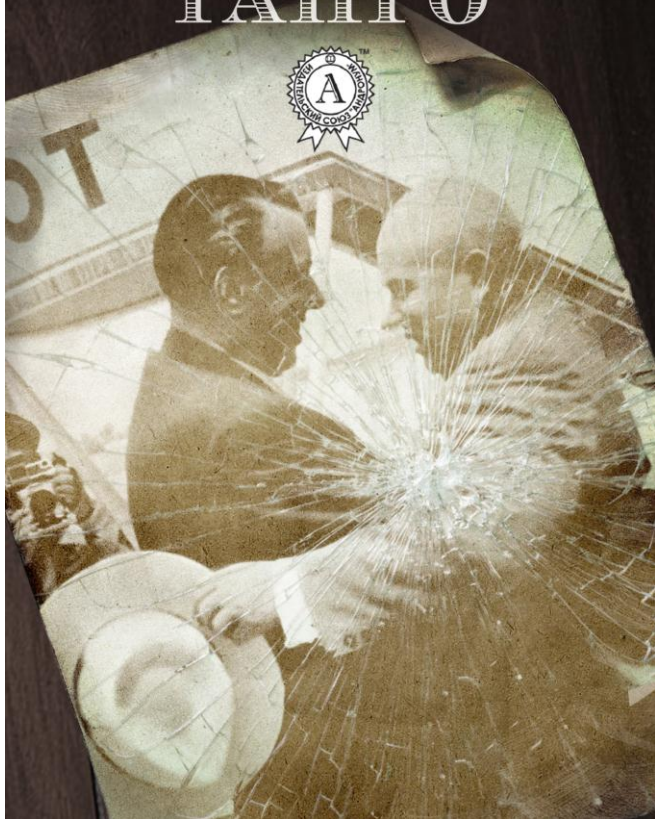

Винцесь Мудров

АЛБАНСКОЕ ТАНГО

Аннотация

Повесть «Албанское танго» повествует о разрыве советско-албанских отношений. В повести присутствуют две сюжетные линии, одна — непосредственный конфликт Никиты Хрущева и Энвера Ходжа, а вторая — история любви албанского студента и белорусской девушки.

Винцесь Мудров

Албанское танго

Авторизованный перевод с белорусского Максима Мудрова.

Литературоведы подсчитали, что в мире всего 36 сюжетов, а остальное — их вариации. И с этой точки зрения сюжет «Албанского танго» — тоже вариация: любовь, ставшая на дороге политических и идеологических интересов.

Албания была недолгим «другом» СССР при Сталине, а потом стала для нас как бы «страной-невидимкой». Был у компартии Советского Союза разлад и с Китаем, и с Югославией, были подавления восстаний в Венгрии и ЧССР... Но все же при этом сами страны были известны. А вот Албания просто «исчезла». Нет, на самом деле на картах она, конечно, была обозначена, но в 70-е и 80-е годы XX века про нее, кажется, не звучало ни слова. В школах и вузах СССР изучали географию Европы, новую и новейшую историю, но без упоминания о существовании Албании... Она вновь «появилась» на страницах отечественных газет уже в постперестроечное время, и то в основном, по причине распада Югославии, в репортажах о Косово.

Да мы и сейчас практически ничего о ней не знаем. Однако если зайти во всеведущий Интернет, то мы найдем там не только мелодии албанской эстрады 50-х годов, но и ностальгические комментарии людей, чья молодость прошла под эту музыку...

Значит, была, была в нашей истории Албания! Этого не вычеркнуть, пока еще живы люди, помнящие, как пели албанские артисты, как в советских вузах учились албанские студенты, как на политической карте мира, напечатанной в СССР, существовала таинственная страна с латинским алфавитом и мусульманской религией, с болгарской манерой кивать в знак отрицания, с особым языком... Конечно, не имеющим никакого отношения к тому, что в Интернете называют «олбанским». Но все же: почему-то именно албанский пришел на ум тому, кто окрестил наречие Интернет-коммуникации! Может быть, как слово, ассоциирующееся с тайной.

«Албанское танго» Винцеся Мудрова — одна из первых ласточек современной литературы, воскрешающая для читателя с постсоветского пространства Албанию. Белорусские читатели могут прочитать ее на родном языке, а для читателей русскоязычных предлагается авторизованный перевод с белорусского, сделанный Максимом Мудровым.

Надежда Мушкетова

Укутанное белесым туманом солнце висит над горбатой горой, розовым светом заливая озёрную гладь. Там, на другом берегу, еще царит тень, и туман делает нечеткими рассыпанные по горному склону белые домики Охрида — города, в котором он провёл прошлую ночь.

Озеро большое. Судя по атласу автомобильных дорог, до Охрида не менее пятнадцати километров. Миколу мало занимают природные красоты и пейзажи: у «дальнобоев» от них рябит в глазах. Но вот увидел розовое зеркало воды, остановил машину, вылез из кабины, закурил ароматную македонскую сигарету и глянул из-под руки на противоположный берег.

Еще рано. Полседьмого по местному времени. Самое время жать на педаль газа и гнать в сторону Тираны, да только трудно отвести взгляд от розового дива, обозначенного на карте как «Ohrid Lake».

«Пограничный пост проезжай на рассвете, когда малолетние сорванцы еще спят», — вспомнил он слова своего друга Сёмки Гормозина. Друг частенько возил грузы на Балканы и наслушался про албанцев разных страшилок: «На перевалах машина идет на «ползучей» передаче, а сзади

ребятня бежит, за борта цепляется. Разрезают тент и тянут все, что под руку попадает».

Тент Миколе разрезали еще в Македонии, на подъезде к Скопье, но так ничего и не взяли. Да и что было брать? В фургоне тридцать тысяч экземпляров «Нового Завета» на албанском языке, пара сотен поролоновых матрасов да несколько ящиков с галетами из военного рациона, но они надежно завалены книжками. Матрасы он должен доставить в Тирану, а книжки и галеты — в Дьирокастру. Это на границе с Грецией.

Микола ещё раз окидывает взглядом озерный простор, делает последнюю затяжку и вдруг замечает, как что-то круглое и несуразное выползает из-под колеса.

— Ты куда, глупая? — Микола хватается черепашку, которая собралась было переползти дорогу. Черепашка не прячется в панцирь: перебирает лапками и недовольно крутит головой. Микола несет ее к придорожным кустам и замечает еще одну черепаху: приземистую, серую, бетонную. Она «заползла» на вершину холма и смотрит на него черной щелью амбразуры. Показалось даже, что там, в темном нутре, кто-то есть и следит за ним. Возможно, даже целиться из базуки... Микола садится в машину, поворачивает ключ зажигания, «Volvo» мягко катится с горы и тут из-за холма выплывает еще одна бетонная тварь. Чтобы выехать

из сектора обстрела, он давит на газ, стрелка спидометра ползет вверх и очередной, разрисованный детскими каракулями бетонный бункер встает перед глазами. Машина на полном ходу вылетает на перекресток. Синий дорожный указатель с надписью «Тігапё 122 km» заставляет придти в себя и перевести дыхание...

В гостиничном номере Микола сразу же разделся и стал под душ. Теплый дождик щекотал спину, касался подмышек. Длинные струи катились по телу, смывая пыль болгарских, македонских и албанских дорог. Последний раз он мылся под душем два дня назад, в придорожном румынском мотеле, а потому даже застонал от наслаждения.

Через четверть часа, накрутив, как тот султан, на голову махровое полотенце, он упал на кровать и закрыл глаза. И сразу же, словно на экране черно-белого телевизора, в глазах побежала серая лента шоссе, тусклой ртутью сверкнула река на дне темного ущелья и руки, схватив в охапку одеяло, крутанули руль.

— Уф-ф! — вырвалось из груди и он, счастливо улыбаясь, перевернулся на бок.

Ужасы, о которых рассказывал Сёмка, не сбылись. Да, ребятня гналась за машиной, но он откупался дешевыми конфетами, бросая горстями через боковое окно. А вот дороги действительно были страшные: разбитые, узкие, извилистые, с

кучами мусора в придорожных канавах. Самым тяжелым был отрезок пути от Эльбасана до Тираны. Пришлось взбираться на перевал высотой никак не менее тысячи метров. А на подъезде к албанской столице машину занесло и он чуть было не угодил в бездонную пропасть. Вот и сейчас, сомкнув веки, вспомнил ту пропасть с бурлящей рекой на темном дне и ощутил холодок в коленях. В тот же миг перед глазами всплыло бескрайнее розовое зеркало воды, на другом берегу которого мелькнули домики Охрида, и теплая волна беспробудного сна приняла измученное дорогой тело.

Проснулся он вечером и долго лежал, закинув руки за голову, пока не стал ворочаться в поисках сигарет. Сигареты лежали на столике и пришлось, громко кряхтя, скатываться с кровати.

За окном шумела фонтанами, гудела редкими автобусами и мельтешила мотороллерами албанская столица. Отсюда, с десятого этажа, дома и деревья казались сказочной декорацией. Слева стояло здание, похожее на Кремлевский дворец съездов, тут же подпирал небо минарет с часовой башней — такие башни доводилось видеть в Италии; посередине раскинулась площадь с фонтаном и монументом всаднику (надо будет расспросить — кому поставлен), а по правую руку, отбрасывая длиннющую тень, высилось

полукруглое здание с квадратными колоннами, на фронте которого красовалось короткое слово «Bank». С виду Тирана не тянула даже на областной центр. Только широкая магистраль, что навывлет пронзала площадь, выглядела по-столичному монументально.

От сигареты слегка закружилась голова и Микола почувствовал голод. Самая пора спуститься вниз и поесть в гостиничном ресторане, но рестораны простым белорусам не по карману. Обычно, приехав в иностранный город, он питался в уличных кафе. Блюда там недорогие, а потому и более вкусные. Микола одел чистую рубашку и еще раз взглянул в окно, прикидывая — в какую сторону лучше пойти.

Кафе, в которое зашел, было небольшим. Здесь царил полумрак, откуда-то сверху звучала чужая для уха восточная музыка, а из кухни шел неприятный запах овечьего жира. В Болгарии, куда пару раз ездил, в уличных кабачках тоже пахло этой гадостью.

Посетителей было немного. Два старика в белых войлочных фесках пили из малюсеньких чашечек кофе, да еще двое мужчин его возраста сидели в разных концах кафе и неторопливо ели из плоских тарелок.

Чернявый кельнер, а может это был сам хозяин кафе, поздоровался с ним по-албански и

Микола молча кивнул в ответ. Потом ткнул пальцем в открытый рот, показал на тарелку, в которой сосед-албанец лениво болтал вилкой — еда, судя по всему, была горячей, — и кельнер, поняв что перед ним иностранец, с добродушной улыбкой спросил:

— Джувеч?

Так, видимо, называлось блюдо. Микола снова кивнул и краем глаза заметил, что посетители кафе разом посмотрели в его сторону. Холодок беспокойства, родившийся в горле, прополз вниз, сосредоточился под грудью. И сразу же вспомнился совет Сёмки Гормозина: приедешь в Тирану, по улицам не болтайся... и обедай в гостиничном ресторане.

Иностранец вобрал голову в плечи, вперил взгляд в солонку, а когда поднял глаза и осмотрелся, то с замиранием сердца заметил, что албанцы по-прежнему не отрывают от него взгляда.

Кельнер принес заказанное блюдо. Поставил на стол тарелку, затем принес пол-лимона на блюде, стакан и кувшин с каким-то напитком.

— Англи? Итали? Франц? — скороговоркой спросил кельнер, смахивая полотенцем крошки с края стола.

— Беларусь! — ответил Микола, а увидев непонимание на лице собеседника, добавил: — Гомель, — хотя и понимал, что албанцы вряд ли

знают этот город. Но, на удивление, кельнер вдруг всполошился и с волнением в голосе переспросил:

— Гомэл?

— Гомэл, Гомэл, — буркнул Микола, наливая из кувшина в стакан желтый, с апельсиновым запахом напиток.

На ходу снимая фартук, кельнер заглянул на кухню, что-то крикнул и выбежал из кафе.

— Полицию побежал вызывать? — мелькнула тревожная мысль, но тут же и исчезла. — С какой стати ее вызвать? Из-за того, что посетитель приехал из Гомеля?

Мужчина, сидевший неподалеку, ему слегка улыбнулся, выдавил в тарелку сок лимона. Микола, подумав, сделал то же самое. Блюдо — густо приправленное перцем рагу — опалило рот и он глотнул желтого напитка.

Два старых албанца давно допили кофе, но из-за стола не вставали: перешептывались, краем глаз поглядывая на иностранца.

Микола вспомнил, как в прошлом году ездил в Белград и как тамошний серб на хорошем русском языке рассказывал, что албанцы вырезают из живых людей почки, а потом продают американцам. Потрогав ладонями бока, Микола с тревожным беспокойством посмотрел на входную дверь.

«А может черноволосый побежал за врачами, которые вырезают внутренние органы? Придут,

дадут по затылку, да в кухню затянут. Там и сделают свое страшное дело».

Тем временем из проема кухонных дверей высунулась голова сорванца с перепачканным лицом и с надвинутым на уши поварским колпаком. Мальчишка сверкнул черными глазами, почесал половником лоб. Микола кивнул замарашке и на сердце отлегло. Очень уж дружелюбным было лицо у паренька. К тому же перепачканное сажей. Не иначе, это был сын черноволосого кельнера, поскольку был на него похож.

Кельнер вернулся минут через десять. И не один, а с высоким и худым как жердь мужчиной. Показав пальцем на иностранца, кельнер с воплем побежал на кухню. На плите что-то пригорело и из кухни валил сизый дым.

— Добрый вечер, — обратился долговязый по-русски, чем удивил Миколу.

Рот был набит джувечем, и Микола вместо приветствия махнул вилкой.

— Вы из Гомеля? — албанец говорил почти без акцента.

Микола проглотил не прожеванный джувеч, припал к стакану с напитком, утвердительно дернул подбородком.

— А я у вас учился. В железнодорожном институте. Тридцать... — долговязый поднял глаза к потолку, беззвучно пошевелил губами —

...тридцать один год назад.

Встретить, можно сказать, земляка... и где?... здесь... в чужой и далекой стране... Микола хапнул воздуха, спасая опаленный перцем рот, подумал — что бы такое сказать в ответ? — и выдохнул:

— Да, у нас там и техникум железнодорожный, и институт.

Бывший студент крикнул по-албански, обращаясь, по всей видимости, к кельнеру, и тот выплыл из сизого чада с открытой бутылкой в руке.

— А я сижу, бреюсь, а тут Дьердь забегает... познакомьтесь, кстати, брат мой, — кельнер вытер о фартук руки, пожал Миколу ладонь, — беги, говорит, человек из Гомеля приехал. Джувеч заказал. Я даже не добрился, бросил бритву и побежал, — долговязый провел ладонью по подбородку, правая половина которой блестела, а левую покрывала седая щетина. — Тридцать лет никто из Союза не приезжал, а тут вдруг такой гость, да из самого Гомеля!

Долговязый наполнил маленькие, с наперсток, рюмки.

— Фернет, мы его вместе с кофе пьем, — объяснил бывший студент и они втроем выпили.

Фернет был горьковатым на вкус и отдавал запахом ромашки.

— Брат кофейню держит, на пару с женой. И сын помогает, — долговязый вновь наполнил

рюмки, крикнул в сторону кухни: — Фатос!

Мурзатый мальчишка испуганным шагом вышел из кухни, шмыгнул перепачканным в сажу носом. Не иначе, получил нагоняй от отца.

Микола пошарил рукой в кармане пиджака, соображая — что бы такое ему подарить? Ничего подходящего под рукой не нашлось и он вытащил из внутреннего кармана 5-долларовую бумажку.

— Племянника Фатосом зовут. «Герой» значит. Хороший парень. Только все время у него что-то на сковороде подгорает, — произнес дядька.

— Возьми, герой, купишь себе чего. Больше, к сожалению, ничего подарить не могу, — Микола протянул купюру, но поварешка сразу ее не взял: с опаской взглянул на отца.

— У меня тоже дома сын растет, только на пару лет старше, — поведал Микола, почувствовав, что голова от выпитого пошла кругом.

В ту минуту он почувствовал вдруг облегчение — и на душе, и в теле. Так бывает, когда возвращаешься домой после рейса и, уставший, падаешь на кровать. И ему вдруг все вокруг стало нравиться — и это пропахшее бараньим салом кафе, и тихая восточная музыка, что лилась с потолка, и посетители, на которых еще полчаса назад смотрел с опаской. Один из стариков — тех, что сидели у окна и пили кофе, — вдруг встал и запел:

— Прокати нас, П' етруша на тракторе, до околицы нас прокати...

Это была любимая песня матери и Микола тоже хотел было запеть, но не знал слов, а потому подошел к старому албанцу и пожал сухую ладонь.

Понемногу подступала темнота. Небо обрело фиолетовый оттенок, в окнах уже горел свет и только крутая гора, что подпирала город с востока, еще красовалась в лучах угасающего солнца.

— Меня Петритом зовут, — представился албанец.

— А меня Микола, — ответил гость и они пожали руки.

— Петрит по-нашему Петр?

— Не совсем так. По-албански это значит «сокол». Но когда учился в Союзе, меня только так и звали: Петя. А фамилия моя Прифти. Если буквально перевести, то Попов, — албанец виновато потер руки. — И как вам албанская еда?

Очарованный вечерним пейзажем, Микола не расслышал вопроса и албанцу пришлось его повторить.

— Вкусная. Только почему вы поливаете блюда бараньим жиром?

— Как почему? Ведь без него блюдо не имеет ни запаха, ни вкуса.

Петрит достал из кармана пачку сигарет,

предложил гостю.

— Мне вот в ваших столовых вначале тоже не все нравилось, — албанец щелкнул зажигалкой. — Но была вкуснятина... забыл только название... драки?... дранки?

— Драники?

— Да-да! Драники! — в глазах албанца мелькнули отблески багрового солнца. — Меня ими одна гомельская девушка угощала.

Потом они шли молча и Микола, дабы нарушить молчание, затянулся сигаретой и вместе с дымом выдохнул:

— Крепкий табак.

Они вышли на бульвар и над их головами зажглись уличные фонари.

— Наши сигареты, дурресской фабрики. «DS» называются, — собеседник внезапно нахмурился. — Помню, когда после каникул в Союз возвращался, сигареты брал. Сразу же в общежитии и продавал. Жили бедно, денег не было, потому и приходилось выкручиваться.

Микола слушал албанца, замечая одно обстоятельство: чего бы не касался разговор, собеседник сразу же вспоминал гомельские времена. Вот и сейчас, идя вечерним бульваром, Петрит рассказывал, как они, трое албанцев, жили в студенческом общежитии, как жарили картофель на одолженной в соседней комнате сковороде, бегали

на дневные сеансы в кинотеатр имени Калинина и как проходили производственную практику в паровозном депо. Когда шли мимо какого-нибудь примечательного здания, Петрит коротко пояснял — что в нем находится, — а потом опять рассказывал про студенческую жизнь.

— Гостиница «Дайти», — пояснил Петрит, когда они остановились на мгновение перед четырехэтажным, с широкими лоджиями зданием, — итальянцы проектировали... Вот здесь, сразу за ним, памятник Ленину стоял... в прошлом году разрушили... А вон видишь пирамиду? Музей Энвера Ходжа... недавно разбили вдребезги... А здание с колоннами — это Дворец культуры. В 1959 году Хрущев, когда гостил у нас, первый камень в фундамент закладывал... А это памятник Скандербегу, нашему национальному герою...

Из окна отеля монумент национальному герою казался небольшим, а сейчас, в лучах фонарей, впечатлял своим величием. Скандербег восседал на коне, прижав к плечу меч и угрожающе поглядывал на отель, где поселился Микола.

— А кто у вас, в Беларуси, главный национальный герой? — внезапно спросил Петрит, когда они подходили к отелю.

— Ленин, наверное, — ответил Микола после минуты раздумья, — его памятники повсюду стоят.

— Еще не снесли? — с легкой иронией

переспросил албанец и белорус с неохотой встряхнул головой.

На ступеньках отеля они ударили по рукам, но потом еще целый час болтали и договорились, к радости Микола, поехать завтра утром в Дьирокастру — на родину Энвера Ходжи. В том городе, как выяснилось, у Петрита жила родная сестра, и он решил съездить в гости на попутной машине.

Придя в номер, Микола резким движением отодвинул тяжелые портьеры и приоткрыл окно. Легкий ветерок коснулся лица, пошевелил волосы на лбу.

На горизонте плыли разноцветные огоньки, ярко освещенный минарет пронизывал острым шпилем темное небо, а Скандербег, на которого были направлены лучи двух прожекторов, сурово и грозно смотрел в сторону отеля.

Где-то внизу, по-видимому, в ресторане звучала музыка. Это была грустная мелодия, похожая на танго, от которой у Микола потеплело в груди. Создавалось впечатление, что это не сонный ветерок, а поток волнующих звуков проникал в оконный проем и вяло шевелил волосы на лбу.

— Чудак этот Петрит... не о собственном кармане думает, а о государстве, — подумал

Микола, упав на кровать.

Петрит, как следовало из разговора, был его ровесником и работал инженером на строительстве железной дороги. Последнюю линию, которую строил, так и не сдали в эксплуатацию — у государства закончились деньги, — а сам он остался без работы. Но вот же человек — о своей безработице только вскользь упомянул, а про то, что дорогу не достроили рассказывал чуть ли не со слезами на глазах: «Ты не представляешь, Микола, сколько людей туда согнали, сколько железа и бетона в мосты вложили, сколько щебня завезли, сколько леса на шпалы порезали — и все впустую». Бедолага жил тем, что читал лекции в университете — четыре часа в неделю — да еще писал втихаря курсовые работы бестолковым студентам. Петрит много чего рассказал, но было такое ощущение, что он хотел еще о чем-то поведать, но не решался.

В приоткрытое окно струилась все та же грустная мелодия. Микола слушал и ему казалось, что звуки танго касаются тела своими теплыми струями и умытое тело становится невесомым и летит по горной дороге в марево сладкого сна.

II

Утром он подогнал фуру к уже знакомой кофейне. Петрит с братом забросили в кузов пару

ящиков — подарки для старшей сестры, — и чуть ли не силой затащили водилу за стол. Тот говорил, что позавтракал в отеле, что сыт, но его все равно заставили съесть тарелку горячего плова.

— При-ез-жай-те еще, — произнес хозяин кафе по-русски и они пожали друг другу руки. Микола хотел еще попрощаться с Фатосом, — тот все время крутился возле машины, — но сорванец куда-то исчез и пришлось на прощание кратко посигналить.

Автострада, на которую вскоре выехали, блистала новым асфальтом и утомляла глаза белизной ленты-разметки. Впереди, на почтительном, как казалось, расстоянии, вздувались приземистые горы. Они были похожи на горбы дромадеров и дорога, чтобы их обойти, все время забирала вправо.

Нажимая на педаль газа, Микола почувствовал вдруг, что чего-то в этом пейзаже не хватает, чего-то не достает этим полям и покрытым виноградниками холмам и даже покрутил головой по сторонам, но тут же перевел дух: из-за поворота, зарывшись в землю по самую щель амбразуры, показался бетонный бункер. Микола покосился на спутника и тот тяжело вздохнул.

— Даже не знаем — сколько тех бункеров, — произнес Петрит, добавив пару слов по-албански. — Наверно, выругался. — Кто